

**СТЕНОГРАММА ВЫСТУПЛЕНИЯ НАЧАЛЬНИКА ГЕНЕРАЛЬНОГО
ШТАБА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РФ-ПЕРВОГО ЗАМЕСТИТЕЛЯ
МИНИСТРА ОБОРОНЫ РФ Н.Е. МАКАРОВА НА ЗАСЕДАНИИ
МЕЖДУНАРОДНОГО КЛУБА *ТРИАЛОГ***

17 июня 2010 г.

г-ца Националь

Макаров Н.Е. – Добрый день, уважаемые господа! Я благодарен за ту высокую честь, которая мне представлена ознакомить вас с ходом военной реформы Вооруженных сил России. Я думаю, что пятнадцати минут мне будет достаточно, чтобы изложить основные моменты реформы, которые проводятся до вас довести и затем ответить на те вопросы, которые наверняка вас интересуют, может быть и вне реформы, а те которые сочтете нужными.

С вашего позволения я приступлю к первой части. Реформа, которая сейчас проходит в Вооруженных Силах Российской Федерации, безусловно, это объективная необходимость изменить, как структуру Вооруженных Сил, так и создать ее такой, которая позволит решать все задачи, которые возникают сегодня, связанных, прежде всего с внешними ввозами и те которые могут возникнуть до 2020 года. Действительно, те угрозы и вызовы, которые возникли в последние годы, я на них не буду останавливаться, поскольку вы о них осведомлены не хуже, чем я, предупредили о том, что необходимо было создать такие Вооруженные силы, которые как можно быстрее могли бы решить любой спектр задач возникающий перед Российской Федерацией. Я хотел бы остановиться на другой задаче, то, что имела наша армия в 2008 году. Практически, это был сколок той армии еще Советского Союза, она была огромна по своему составу, она являлась в большей степени не боевой, а мобилизационной армией, где было громадное количество офицерского состава и вообще командного состава, и вызывало серьезные опасения, сможет ли эта армия решить те задачи, которые у потенциальных людей могли возникнуть.

Здесь уже было сказано, что действительно я прошел все должности, которые необходимо было пройти военному человеку, даже наверно больше чем этого требовалось. И поэтому те проблемы, те болезни, которые были присуще прежде всего офицерскому составу, те проблемы, которые были, в организационные штатах наступили при Вооруженных Силах и в соответствии с поставленной задачей они были в видении очень ясно и отчетливо я четко представлял что и как необходимо делать. Такие предложения, которые необходимо было доложить по реорганизации Вооруженных Сил, неоднократно докладывались Президенту Российской Федерации. Они очень внимательно обсуждались, анализировались. Это происходило в 2008 году еще до известного вам августовского конфликта. После югоосетинского и грузинского конфликтов для многих тоже стало вполне понятно, что реформа не только назрела, она должна быть произведена гораздо раньше. В сентябре 2008 года Президентом был утвержден план реформы Вооруженных сил Российской Федерации и в соответствии с этим планом в 2009 году мы приступили к реформированию Вооруженных сил.

Я кратко остановлюсь на тех пяти задачах, которые мы ставил перед собой.

Первая задача заключалась в том, чтобы из одной миллионной мобилизационной и расплывчатой армии создать боеспособную современную структуру, способную адекватно реагировать на любые угрозы и вызовы.

Вторая задача – это оснастить современными образцами вооружения военную технику новой структуры Вооруженных сил.

Третья задача, она очень сложная, - переломит у многих офицеров сознание, воспитанное еще в духе старой армии, подготовить этих офицеров и реорганизовать всю сеть военных вооружений.

Четвертая задача заключается в том, что необходимо было доктринально изменить взгляды на ведение боевых действий и все это заложить в абсолютно новые программные документы.

Пятая задача, наиболее трудоемкая и затратная, - это решение многих социальных вопросов. Прежде всего - денежное содержание и обеспечение жильем не только офицеров, а всех военнослужащих.

Это основные пять задач, хотя менее объемных, но есть огромное количество других задач, которые мы решали и решаем сейчас.

По ходу первой задачи. Мы сумели создать части постоянной готовности, перейти, уйти от мобилизационных вопросов и создать вооруженные силы, как мы сейчас говорим, в одночасовой готовности к боевому применению. Мы создали 85 боевых бригад. Это боевые бригады. И огромное количество других бригад, которые должны обеспечивать боевую структуру. Мы совершаем очень болезненный процесс, сокращаем практически трех офицеров двух. То есть остается одна треть от того офицерского состава, которая была в Вооруженных силах. Мы полностью ликвидировали институт прапорщиков. И сейчас созданные бригады приступили к боевой подготовке. Мы проверяли степень их готовности и правильность созданной организационной структуры прошлым году на учениях Запад-2009, Кавказ-2009 и Ладога-2009. мы пришли к пониманию, что необходимо создать бригады трех типов – тяжелую, среднюю и легкую, которые позволят решать спектр всех задач. Эти бригады имеют модульный характер. В этом плане для нас стал новой проблемой переход на один год службы. Старая программа и структура боевой подготовки абсолютно перестала нам подходить. Поэтому была разработана новая программа подготовки войск и особенно подготовки сержантского состава. Мы частично изменили подготовку всех младших специалистов, перейдя от структуры подготовки два раза в год. Теперь мы готовим три раза в год. То есть сократили цикл их обучения и увеличили частоту выпуска. На учениях Восток-2010, которые пройдут с 29 июня по 8 июля, мы хотим апробировать, как эта новая система подготовки повлияла на подготовку наших бригад. Мы изменили подготовку сержантского состава, перейдя на подготовку на два года и десять месяцев. Планируем к 2016 году иметь новый сержантский корпус.

Мы понимаем, что и сама служба солдат срочной службы резко отличалась от службы в западных странах. Если можно выразиться, то мы сделали ее более демократичной. Теперь военнослужащий у нас призывается по месту жительства, что раньше делать было запрещено. Мы понимаем, что это целесообразно, чтобы солдат, проходя службу рядом с домом, мог выходные провести со своей семьей. Но наряду с этим мы значительно усложнили систему подготовки военнослужащего, в том числе значительно увеличили число учебных часов в течение дня. Сейчас будет вводиться система стимулирования службы военнослужащих срочной службы.

Теперь несколько слов о структуре управления, которую мы создаем в Вооруженных силах. Суть заключается в том, что если раньше мы имели три вида вооруженных сил и три рода вооруженных сил, которые имели свои системы управления и управляли своими подчиненными силами, как например, главнокомандующий военно-морским флотом управлял четырьмя флотами, главнокомандующий военно-воздушными силами управлял воздушными армиями, командующий сухопутными войсками управлял сухопутными войсками. Сейчас мы от этой системы отказались.

Мы понимали, что за последние десятилетия произошли значительные изменения не только в мире, но и в сопредельных с Россией государствах, поэтому потребовалось изменить и саму нарезку театра военных действий. Военные округа должны иметь свою зону ответственности. Поскольку сейчас все операции проводятся совместными силами и средствами, то есть и сухопутные войска, и военно-морской флот, и военно-воздушные силы, а не отдельно, как это делалось раньше. Назрела необходимость создать единый управляющий орган с единым ответственным за управление, обладающий соответствующими полномочиями.

Кроме того, у нас возникли противоречия в том, что у нас имеется шесть округов, но имеется всего семь армий, то есть мы создали сами себе проблемы в кадровом вопросе. Поэтому сейчас будет создаваться четыре объединенных оперативных стратегических командований, в которые будут организационно входить непосредственно военный округ как сухопутная составляющая, военно-морской флот и воздушные армии. Все, что будет входить в сферу этого нового объединенного стратегического командования, то есть все то, что находится на его территории, должно быть непосредственно подчинено этому командованию. Таким образом, создается четыре новых стратегических командований – Восток, Центр, Юг и Запад. Планировать их применение и управлять ими будет Генеральный штаб. Главными командующими вооруженных сил становятся непосредственно подчиненные Начальника Генерального штаба, и в большей степени будут отвечать за организацию боевой подготовки по своим сферам ответственности, за строительство и развитие своих видов вооруженных сил, за подготовку и переподготовку своего офицерского состава, за подготовку специалистов, за миротворческие задачи и за развитие оснащения своих видов и родов войск новыми вооружениями.

Первая задача наиболее объемна по своему предназначению. По второй задаче мы разрабатываем сейчас новую программу развития вооружений до 2020 года, в которую закладываем те требования, которые позволят нам иметь к 2020 году

вооруженные силы, оснащенные новыми образцами военной техники. Безусловно, он разрабатывается с учетом экономики нашей страны и состояния оборонно-промышленного комплекса. По третьей задаче – подготовка офицерского и сержантского состава и реформирование военных высших учебных заведений. Мы создаем всего десять военных высших учебных, научных заведений путем объединения однородных военных высших учебных заведений в одно. То есть в сухопутных войсках будет один военный центр – Военная академия им. Фрунзе, которая погрузит в себя все военные заведения, в том числе и научно-исследовательские организации, которые работали ранее на структуру развития и оснащенности сухопутных войск. Это будет единое одно целое.

Здесь очень серьезная проблема, на которой я уже немного остановился - это изменение мировоззрения наших офицеров. Советская школа подготовки офицерского состава была очень сильна и готовила первоклассных офицеров. Но время идет, меняются подходы, меняются взгляды на современные войны, на формы и способы применения вооруженных сил, поэтому, кто из офицеров, особенно старшего возраста, с трудом это понимает. В этом есть серьезная проблема. В течение полутора лет мы проводим серьезную работу путем методических лекций, сборов, конференций, чтобы изменить и приблизить мировоззрение наших офицеров к современному пониманию войн и конфликтов. Все вооруженные конфликты любой интенсивности - от большой до малой – были очень детально нами проанализированы, особенно те, которые произошли за последние 20 лет. Это анализ и взгляд в будущее нацеливает и помогает нам прийти к пониманию, какие же войны и конфликты будут развиваться в последующем. Именно на это нацелена вся система подготовки новых программ обучения и системы подготовки офицерского состава.

Кратко остановлю на необходимости подготовки новых уставных документов. Это проблема предопределяется самой структурой войск и взглядов на новые формы и способы применения. Все эти документы разработаны и проходят апробацию в ходе проводимых учений и хода подготовки вооруженных сил. Я думаю, что с 1 января 2011 г. мы уже в окончательно утвержденном виде приступим к освоению этих новых программных документов.

Социальный блок- пятая задача. Мы дали свой проект закона правительству РФ о новом денежном содержании военнослужащих Российской Федерации. Предполагаем с 1 января 2012 года перейти к новой системе оплаты труда военных. Сейчас у нас действует системы стимулирования лучших воинских частей и военнослужащих, где те офицеры, которые выполняют очень сложные и тяжелые задачи, такие как экипажи стратегических бомбардировщиков, экипажи атомных подводных лодок, экипажи кораблей, которые несут боевое дежурство, в том числе по известным задачам борьбы с пиратством, военнослужащие, которые несут службу в горячих точках, получают повышенное денежное содержание. Остальные части по итогам службы за год по ряду критериев определяются как лучшие. Они в течение года также получают повышенное денежное содержание. Но они должны в конце года это подтверждать. Это денежное содержание граничит примерно в следующих параметрах. Командир взвода в пределах от 50 тыс. до 70 тыс. рублей, командир бригады – порядка 150 тыс. рублей. Мы понимаем, что такая система денежного

стимулирования приносит положительный результат, так как по своим параметрам она отличается в пять-шесть раз от базового оклада.

Вторая проблема в социальном блоке – обеспечение военнослужащих жильем. Здесь модно только кратко сказать о том, что решение Президента об обеспечении военнослужащих постоянным жильем к концу 2010 года и служебным жильем к 2012 году пока идет без каких-либо срывов.

Орлов В.А. – Спасибо большое, генералу армии Макарову. Николай Егорович спасибо вам за содержательное и при этом очень динамичное выступление. Я думаю, каждый из здесь присутствующих для себя отметил и тот набор блоков, которые Вы обозначили и конечно сложность задач, которые стоят перед вами и стоят перед реформированием вооруженных сил. В какой-то момент, когда Вы излагали, как происходит реформирование, мне показалось, что проще было бы начать с нуля вот с чистого поля. Но, к сожалению это невозможно.

Конечно, подстраивать, перестраивать, а также глубоко реформировать вооруженные силы по ходу, на марше; очень трудоемкая задача и в интеллектуальном, и в финансовом, и в практическом смысле. Среди тех блоков, которые Вы обозначили, для себя я отметил важность, которую Вы уделяете вопросам подготовки, обучения, переобучения персонала, офицеров и хотел бы сказать, что для моей организации, для ПИР–Центра я думаю, есть, что предложить Генеральному Штабу. У нас действует тренинговый центр по международной безопасности, в рамках наших тренинговых программ уже прошли повышение квалификации офицеры, в том числе из 12-го ГУМО, но, конечно, я думаю, что здесь большое поле для совместной работы.

Обидно когда возможности, существующие для тренинга, для понимания будущих войн, конфликтов не используются в России. Мы анализируем опыт и центра в Обераммергау и Маршал центра, конечно, там есть много полезного нам важно, чтобы на российской земле, на русском языке силами военных экспертов, гражданских экспертов такой тренинг осуществлялся и сугубо военной части, который осуществляется в рамках Министерства обороны и его учебных заведений и в части военного анализа, стратегического анализа, где мы рады были бы сотрудничать.

Коротченко И.Ю. – Главный редактор журнала «Национальная оборона» и директор «Центра анализа мировой торговли оружием». У меня вопрос касается государственной программы вооружений. Он как бы состоит из двух разделов. Первый раздел учитываю обозначившуюся тенденцию о том, что Министерство обороны Российской Федерации планирует закупку иностранных вооружений наиболее передовых технологий, которые могут быть востребованы в армии, флоте и те наработки, которые не может дать сегодня российский оборонно-промышленный комплекс. У меня такой вопрос: в государственной программе вооружений, которая сегодня разрабатывается, каким образом будут обозначены возможные закупки российскими вооруженными силами иностранных вооружений и технологий и будет ли это отдельный самостоятельный раздел, либо это будет решаться исходя из конкретных потребностей в конкретный момент?

Второй вопрос. Недавно, генерал-лейтенант Фролов, выступая в Государственной Думе, сказал, что возможно будет принято решение в 2009 году начать новую работу по разработке тяжелой жидкостной ракеты шахтного базирования, стратегического назначения. Нельзя ли будет сказать в этой связи, необходимость этой работы, учитывая серийность производства твердотопливных ракет «Яс» многозарядных и «Тополь –М», какая функция, какая миссия будет возложена, если будет принято такое решение на эту новую тяжелую жидкостную ракету российской кооперации.

Макаров Н.Е. - Первый вопрос. Государственная программа вооружений, которая сейчас обсуждается в силовых структурах, планировалась следующим образом. Мы понимали, какие вооруженные конфликты могут быть, если могут быть развязаны в пределах 20-го до 30-го года этого столетия. И отсюда понятно мы как военные, как Генеральный Штаб определял, какие же нужны силы и средства, чтобы решить эти конфликты. В том числе, какая нужна техника с учетом тех технологических прорывов, которые сейчас осуществлены, будут осуществляться в мире. И отсюда Генеральный штаб определил требования к каждой системе вооружений, которое выпускается промышленностью Российской Федерации, относится к современным системам и мы безусловно будем их закупать. Та часть, которая не соответствует требованиям, спланированы опытно-конструкторские работы, так называемые НИОКР, в ходе которых мы должны и обязаны создать образцы техники, отвечающие этим требованиям. Мы понимаем, что это будет поддержка финансовая нашего оборонно-промышленного комплекса и промышленности в целом.

Что касается закупки иностранных образцов, то этот вопрос прорабатывается индивидуально и очень осторожно. Поскольку все-таки мы ориентируемся на свое отечественное производство, но не исключаю, что если будут какие-либо серьезные трудности, то закупать не образцы, а ориентируясь на технологии производства. Один образец купить, чтобы посмотреть, что из себя он представляет, он нас как таковой не интересует. Нас интересует технология производства новейших образцов техники и вооружений.

И второй вопрос о тяжелой ракете: этот вопрос очень плотно связан с подписанным договором СНВ и системой противоракетной обороны. Вы знаете, что и в преамбуле договора СНВ четко прописано, что российская сторона плотно увязывает систему ПРО с договором СНВ, и вы знаете, что мы оставляем за собой право выйти из этого договора, если поймем все что система ПРО развивается в таком виде, что представляет опасность для наших ядерных сил. И если система ПРО будет развиваться, то вполне объективно перед российской стороной встанет вопрос, как преодолеть эту систему ПРО и в этом случае встанет вопрос о новой ракете, которая сможет преодолевать не только современную, но и перспективную систему ПРО. Это как раз то о чем я предупреждал американскую сторону, развитие системы ПРО при любом варианте повлечет за собой гонку вооружений, что крайне не желательно.

Онно Элдеренбош – Вы говорили о новых вызовах и угрозах, с которыми может столкнуться Российская Федерация. На данный момент мы столкнулись с

тяжелой ситуацией в Киргизстане. Собираетесь ли Вы или российская Федерация в целом ответить на просьбу Киргизстана направить туда войска?

Макаров Н.Е. – Ситуация в Киргизии очень сложная и она меняется буквально каждый день то в лучшую, то в худшую сторону. Действительно, к нам было официальное обращение Временного правительства о вводе миротворцев в Киргизию. Совет Безопасности очень детально обсуждал этот вопрос. На сегодняшний день пока принято решение миротворческий контингент на задействовать.

В тоже время Вы знаете, что на нашей базе в Канте находится наша небольшая по численности группировка воздушно-десантных войск, которая, мы считаем, способна на сегодняшний день в случае необходимости решить те проблемы, которые могут перед ней возникнуть.

Сейчас в Киргизии, особенно на юге, очень много молодежи, которая, к сожалению, разорвала все магазины и просто много пьяных. Есть силы, которые очень умело манипулируют ими. Мы надеемся, что обстановка там будет улучшаться.

Крамник И.А. – У меня два вопроса. Исходя из заявления нашей стороны и новой военной доктрины, предусматривается или считается необходимым применение вооруженных сил России за рубежом, в том числе и дальнем зарубежье для защиты интересов страны и жизни ее граждан. Каким образом в рамках новой командной структуры будет осуществляться управление военными силами, при применении их для этих целей?

И второй вопрос. Согласно заявлению генерала Фролова в Государственной Думе о новой программе вооружений можно сделать вывод, что финансирование военно-морского флота будет финансироваться по остаточному принципу. Ваше заявление о более долгом формировании вооруженных сил будет занимать больше времени. Следует это понимать так, что до 2030 или даже до 2050 гг. Россия намерена обходиться без военного флота и без возможностей осуществлять морские операции?

Макаров Н.Е. – Создаваемые четыре объединенных стратегических командований будут иметь свою зону ответственности. Это зона ответственности не только на территории Российской Федерации, но, соответственно, на сопредельной стране, которая примыкает к зоне этого командования. Поэтому, если будет какая-нибудь обстановка, которая потребует от Президента решения об использовании вооруженных сил за пределами Российской Федерации. Безусловно, что руководство будет расширять Генеральный штаб, но непосредственное командование войсками будет осуществлять командующий объединенным стратегическим командованием.

Что касается таких задач в мирное время, как борьба с пиратством, то, безусловно, у нас четко прописывается, как идет управление вооруженными силами в мирное время, в угрожаемое время, непосредственно в ходе военных действий, то управление силами по борьбе с пиратством будет осуществлять

главнокомандующий военно-морского флота с участие Генерального штаба, как происходит это сейчас. И для решения миротворческих задач, а мы относим к ним эти задачи в мирный период, как уже сказал, отвечают главнокомандующие соответствующих вооруженных сил.

Второй вопрос по оснащению военно-морского флота. Генерал Фролов в Государственной Дума сказал, что мы рассматриваем несколько вариантов. Действительно, это так. Мы рассматриваем несколько вариантов оснащения вооруженных сил. Безусловно, флот – это одна из самых дорогостоящих составляющих вооруженных сил. Флот условно делится на две части: флот, который предназначен для применения стратегических ядерных сил и, так называемые, военно-морские силы общего назначения.

Что касается первой составляющей, она при любом варианте должна соответствовать той установке и тем требованиям, которые мы заложили в договор по СНВ. То есть ядерные силы – это не обсуждаемая проблема.

Вторая часть. Действительно, есть много различных мнений, много различных гипотез по развитию. Мы пришли к единому пониманию как это надо делать. В соответствии с экономикой нашей страны выделяются солидные средства и силы, чтобы военно-морской флот с учетом его значимости отвечал тем задачам, которые перед ним ставят. Я не скрою, сказав, что мы заложили довольно амбициозные задачи по развитию военно-морского флота. Мы также надеемся на то, что сейчас в России разрабатываются программы по развитию судостроения. Мы надеемся, что мы и в этой программе найдем свое место. Поэтому мы прекрасно понимаем, что Россия без флота просто не может быть. Конечно, военные всегда просят больше, но им не всегда это дают. Но я думаю, что военно-морской флот обижен не будет.

Ласло Потти – Мой первый вопрос касается высокоточного оружия. Как я понимаю, это головная боль России. Об это можно узнать, почитав множество мнений экспертов и найти в новом тексте Военной доктрины. Как Вам представляются перспективы этого вида оружия?

При обсуждении нового облика Вооруженных сил принимались ли во внимание модели или опыт натовских стран и с другой стороны самые лучшие военные традиции России?

Макаров Н.Е. – Безусловно, высокоточное оружие на сегодняшний день это приоритет не только Российской Федерации, но и всех стран. Но всякое высокоточное оружие подразумевает два параметра. Это саму технологию и возможность создания самого высокоточного оружия, будь то ли ракета, то ли торпеда. Вторая составляющая наиболее сложна и дорогостояща. Это, так называемая, информационная составляющая, которая должна иметь средства обнаружения цели для ее анализа. Для того, чтобы навести высокоточное оружие на цель с требуемой точностью, эта составляющая должна как иметь космическую группировку, как воздушную группировку, так и наземный пункт управления. Поэтому мы очень серьезно занимаемся этой проблемой, учитывая опыт не только НАТО, но и всех стран, которые располагают высокоточным оружием и те наработки, которые имеются у России (их очень много). И одно из

условий оснащения Вооруженных сил России заключается в том, чтобы оснастить их высокоточными средствами поражения, имея для этого мощную разведывательную информационную систему. Это тоже один из наших приоритетов.

Орлов В.А. – Вы упомянули миротворческие задачи российских Вооруженных сил. Сейчас оставим в стороне ситуацию в Киргизии. В последнее время приходилось слышать достаточно много нареканий, что Российская Федерация на представлена в миротворчестве так активно, как хотелось бы и как казалось бы, должно соответствовать ее концептуальным внешнеполитическим установкам. Как Вы видите роль России в миротворчестве? Видите ли Вы, что здесь будут изменения?

Второй вопрос – это будущее отношение Россия-НАТО. вы высказывались об этом несколько раз публично. Но ситуация достаточно динамичная. Какие на сегодняшний день основные перспективы реального сотрудничества России НАТО, если они есть?

Макаров Н.Е. – Может быть, действительно, Россия не так активно представлена в решение миротворческих задач, как, может быть, это следовало бы сделать. Но миротворческие задачи, когда привлекаются вооруженные силы, это происходит уже в завершающей стадии, которая близка уже к вооруженному конфликту. Поэтому мы тоже рассматриваем, что, если мы вводим миротворческие силы, это значит, что страны находятся на грани войны. Поэтому моя позиция как Начальника Генерального штаба, который не хочет просто жертвовать своими людьми или создавать опасность для их жизни. Должны быть включены все рычаги, дипломатические, экономические, политические, любые, которые предотвратят и не доведут до ввода войск в качестве миротворцев.

В этом плане я хотел бы отметить инициативу нашего Президента Д.А. Медведева о заключении Договора о европейской безопасности. Я знаю, что в различных странах его воспринимают по-разному. Но то, что система, сложившаяся в том числе в Европе не соответствует тому, что должно быть создано для ее безопасности, это факт. Страны НАТО прикрываются пятой статьей, другие страны, как страны Прибалтики, иногда ведут себя просто развязно в этом плане. Те страны, которые не входят в НАТО чувствуют себя совсем по-другому. Создается ситуация, когда, если ты член НАТО, то ты будешь в безопасности, если не член НАТО, то нигде не будешь. Поэтому, как рычаг, который постоянно довлеет над тем, что давайте, двери открыты, входите в НАТО. Поэтому мы и вышли с таким предложением, чтобы каждая страна мела равную степень своей защищенности и безопасности. Необходимо создать такие условия, которые бы обеспечили этот принцип.

Но, возвращаясь опять к миротворческим задачам, у нас есть войска и силы, которые предназначены только для миротворческих функций и готовятся по этим задачам. И если будет решение нашего руководства, то мы будем выполнять эти задачи. И не только нашего руководства. Это должно быть обоюдное решение целого сообщества государств. Каждая страна может воспринимать это по-разному, кто как агрессию, кто как миротворческую

задачу. Поэтому это должно быть решение ряда стран и в случае такого решения, мы готовы к решению таких задач.

Что касается Совета Россия-НАТО. Понятно, что не по нашим инициативам и причинам он прекратил свою работу в 2008 году. И сейчас хотим мы или не хотим, нравится нам или нет, но вопросы, которые необходимо решать не только на европейском континенте, но и в мире, без России решить сложно. Поэтому первая встреча, которая в рамках уже Совета произошла у нас в Брюсселе с представителями комитетов начальников штабов США с адмиралом Малером, а затем уже непосредственно уже со всеми представителями начальников штабов, активизировала эту работу по целому ряду направлений. Прежде всего это по систему противоракетной обороне, по экстремизму и его крайней стороне терроризму, это вопрос пиратства, это вопрос по обмену опытом силы войск в Афганистане, и по целому ряду логистических вопросов, которые связаны прежде всего стылом и вооружениями.

Мы включили огромное количество мероприятий, в том числе то, что я перечислил, а также по обмену военными делегациями и по ряду совместной подготовке наших воинских контингентов в целом ряде государств Европы и США. Мы должны прийти к пониманию, и по крайней мере с адмиралом Малером мы пришли к такому понимаю, что сейчас в мире гораздо больше таких угроз, которые мы должны решать сообща и для этого мы должны иметь силы и средства совместимые как по применению, так и по управлению. Мы должны понимать друг друга. В этом случае мы можем действовать совместно.

Но, к сожалению, как и в США, так и в Европе, как и нас, наверное, есть люди, которые еще смотрят с позиции Советского Союза, блока НАТО и Варшавского договора, то есть то, что было двадцать лет назад. В ходе неоднократных встреч с руководителями и с американской стороны и европейских стран чувствуется какое-то недоверие друг к другу, которое сформировалось в долгие года противостояния. Наши объяснения и разъяснения, что уже двадцать лет как Россия становится другой страной. Но нам, к сожалению, пытаются приписать еще те взгляды, которые были 20-30 лет назад. Как сформировались штампы еще в годы Холодной войны, так у многих они еще до сих пор присутствуют. Многие не понимают, что за двадцать лет у нас в России уже выросло почти новое поколение людей. Что за это время произошли вооруженные конфликты с бывшими республиками СССР. Мы предлагаем, что им необходимо поменять очки и смотреть по-другому на многие вопросы. Поэтому в плане работы Совета Россия-НАТО мы хотим решать обоюдные вопросы, которые несут пользу как для стран НАТО, так и для Российской Федерации. Те разговоры, которые мы ведем в этом сообществе, а также те разговоры, которые были с руководителями ряда европейских стран, показывают, что, все-таки, открытость потихоньку начинает превалировать над закрытостью. Это создает условия к тому, чтобы мы, все-таки, более качественно и оптимально решали многие проблемы, возвращаясь к началу вопроса, которых у нас гораздо больше общих, а за мелкими не пропустили важного, основного.

Поэтому я считаю, что Совет Россия-НАТО с каждым месяцем набирает темпы развития и в рамках этого Совета можно много решать очень важных и серьезных вопросов, которые возникли у нас в последние годы.

Орлов В.А. – Спасибо, Николай Егорович. Я думаю, что нота задана такая оптимистичная. Я особенно отметил Ваши слова, что гораздо больше тех угроз, над которыми мы – Россия и НАТО – должны работать сообща. Думаю, наши коллеги из европейских государств также отметили Ваше внимание проекту Договора о европейской безопасности. Мы можем называть то, что было представлено первым вариантом или даже zero draft, но это то, та база, которая позволяет нам обсуждать, как совместно формировать новую архитектуру европейской безопасности, которая уже не архитектура не времен Холодной или Постхолодной войны, XXI века.

Думаю и роль России в XXI веке и ее Вооруженных сил также сильно связана и с достойным реформированием внутри страны и с присутствием в той степени, в которой это необходимо в других точках.

Действительно, миротворчество не должно подразумевать, что мы ставим под угрозу жизни наших людей. Но в ряде случаев мы имеем возможность быть представленными нашей военной техникой, нашими вертолетами, то есть здесь перспективы также достаточно значимы. Я рад, что Вы это обозначили.

Но главное, подводя итог нашему обсуждению, я хотел бы сказать, что мои коллеги, как и я, впечатлены объемом поставленных задач по военной реформе. Хотим пожелать Вам, но и нам, успехов в реформировании Вооруженных сил, приданию Вооруженным силам Российской Федерации того облика современной армии, армии XXI века, которую Вы нам очертили. Мы со своей стороны открыты в ПИР-Центре для того, чтобы обсуждать вопросы реформирования вооруженных сил, конструктивно дискутировать по тем вопросам, которые сегодня были затронуты, а может быть не были затронуты, и на страницах нашего журнала *Индекс Безопасности*, что мы уже делаем, и в формате конференций и семинаров.